

Конфуций, стоя у реки, изрек: Время уходит, подобно этим водам, не останавливаясь ни днем, ни ночью. Это означало, что мудрец, глядя на бурлящий поток, сокрушался о неумолимом беге времени. Вот и Шангуань Цинъюнь из беспомощного младенца, требовавшего заботы, превратился в очаровательного ребенка. Его черты лица были до невозможности изящными, а особенно притягивали взгляд большие, влажные глаза. Больше всего окружающих умиляло, когда он пытался копировать серьезный вид взрослых, — от этого все в клане Шангуань приходили в полный восторг.

После возвращения с пика Ванчэнь его новоявленный отец, восстановив ему меридианы с помощью духовной энергии, ушел в затворничество. По прикидкам Шангуань Цинъюня, раньше чем через пару десятков лет он оттуда не выйдет.

— Маленький господин, чего бы вам хотелось отведать сегодня? Скажите Бинян, и я с радостью приготовлю, — ласково улыбаясь, спросила служанка в синем платье.

Именно — ласково. С прошлой жизни Шангуань Цинъюнь привык, что женщины смотрят на него с обожанием, восхищением или почтением, но никто и никогда не смотрел с такой материнской нежностью. К тому же, ему было невдомек, зачем семнадцатилетней девушке с ясными глазами смотреть на него с таким выражением. Ему так и хотелось сказать: Бинян, тебе же всего восемнадцать, а не шестьдесят, чтобы вести себя как бабушка! Разумеется, Шангуань Цинъюнь забыл, что его нынешней оболочке всего пять-шесть лет, а эта служанка — практик на стадии Закладки Основания.

— Маленький господин? — видя, что ребенок погрузился в свои мысли, снова позвала Бинян.

Ох, даже когда наш маленький господин просто смотрит в пустоту, он такой милый, — подумала про себя Бинян.

— Бинян, я хочу пирожные с османтусом, — мягкий, детский голосок заставил всех присутствующих растаять.

Наш маленький господин просто прелесть, — пронеслось в головах у всех.

Шангуань Цинъюнь уже не хотел смотреть на их выражения лиц. Неудивительно, что в прошлой жизни культиваторы из знатных семей были такими невыносимыми — их просто с детства все баловали.

— Хорошо, я немедленно пойду готовить, — ответила Бинян и в крайнем восторге выпорхнула из комнаты. Глядя ей вслед, Шангуань Цинъюнь на мгновение почудилось, будто за ее спиной пылает настоящий огонь, но он лишь покачал головой, решив, что ему показалось.

На самом деле, сейчас его больше всего беспокоили не меридианы, а собственная внешность. Он становился все женственнее. Даже его младшая соученица в детстве не была такой красивой, как он. В нем совсем не осталось мальчишеских черт. Стоило ему попытаться выйти

потренироваться, как слуги тут же преграждали путь, ссылаясь на заботу о его теле. А по ночам приходил Шангуань Цзюэ и начинал дразнить его, из-за чего он вовсе боялся предпринимать хоть какие-то действия. Оставалось лишь сохранять невозмутимое выражение лица, чтобы никто случайно не принял его за девочку.

Наступила ночь. Даже мощная защита клана Шангуань не могла остановить Шангуань Цзюэ, чей уровень культивации достиг стадии Пересечения Скорби, к тому же он являлся предком клана.

В спальне Шангуань Цинъюня на его кровати, небрежно развалившись, лежал Шангуань Цзюэ в ярко-красных одеяниях, пылающих, словно огонь.

Шангуань Цинъюнь с бесстрастным лицом посмотрел на него, а затем спокойно поклонился:

— Цинъюнь приветствует предка. Выражение лица Шангуань Цинъюня было совершенно безмятежным, как и все его движения, однако его голосок звучал до того мягко и по-детски, что это создавало забавный контраст. Невольно улыбнувшись, Шангуань Цзюэ протянул руки и подхватил стоявшего у окна малыша на руки.

— Такой ты у нас милый, Цинъюнь, даже не знаю, какой из кланов заклинательниц в будущем получит такое сокровище, — поддразнил он, поддев пальцем подбородок мальчика.

Шангуань Цинъюнь по-прежнему сохранял бесстрастное выражение лица, ничуть не задетый словами Шангуань Цзюэ, а про себя подумал: «Конечно же, бесчисленное множество».

Заметив, что Шангуань Цинъюнь всё так же невозмутим, Шангуань Цзюэ изогнул длинную бровь и продолжил:

— А может, даже и какой-нибудь заклинатель.

Услышав это, Шангуань Цинъюнь мгновенно помрачнел. В прошлой жизни ему доводилось встречать некоторых мужчин-практиков, которые ради продвижения в культивации добровольно покорялись другим, но он сам никогда бы не опустил до подобного.

Видя, как изменилось лицо Шангуань Цинъюня, Шангуань Цзюэ не удержался от смеха. Да, всё верно: Шангуань Цзюэ пришел сюда именно для того, чтобы посмотреть, как изменится в лице Шангуань Цинъюнь.

Будучи культиватором на Стадии Пересечения Скорби, Шангуань Цзюэ только и делал, что уходил в затворничество — его жизнь была до крайности скучна. Когда он практиковался на пике Ванчэнь, ему внезапно припомнился тот сорванец, которого родила Шангуань Цинлянь. Сказано — сделано: в одну темную и ветреную ночь он заявился, чтобы поддразнить двухлетнего Шангуань Цинъюня. Великие мастера на Стадии Пересечения Скорби обладают

именно такой причудливой натурой. Если бы Шангуань Цинъюнь был обычным двухлетним карапузом, он бы давно расплакался от испуга, но это было не так! Когда Шангуань Цзюэ явился в первый раз, Шангуань Цинъюнь, разглядев, кто перед ним, незамедлительно поклонился:

— Приветствую почтенного предка. Шангуань Цзюэ был крайне заинтригован тем, откуда же Шангуань Цинъюнь его знает. Так что, однажды допустив оплошность, юноше пришлось выдумывать бесконечные потоки лжи, чтобы скрыть правду. Шангуань Цзюэ становилось лишь любопытнее, к тому же ему это занятие казалось весьма забавным. С тех пор он каждый вечер приходил, чтобы поддразнивать Шангуань Цинъюня, сделав это своим ежедневным развлечением.

Шангуань Цинъюнь пытался относиться к Шангуань Цзюэ так же, как в прошлой жизни обращался со странными и высокомерными мастерами, но толку от этого было мало. Его холодность лишь сильнее раззадоривала Шангуань Цзюэ. В итоге юноша решил, что лучше уж сохранять полное бесстрашие, и так Шангуань Цинъюнь превратился в человека с каменным лицом. Поистине печально.

— Жаль, что твоего отца нет здесь, он не видит, насколько ты сейчас мил, — с напускным сожалением произнес Шангуань Цзюэ, обнимая Шангуань Цинъюня.

— Может, стоит записать это на Нефритовый бамбук? — внезапно осенило его.

Шангуань Цинъюнь, с трудом разжав руки Шангуань Цзюэ, которые покоились на его поясе, процедил сквозь зубы:

— Не нужно. Благодарю.

— Эх, какой же ты немилый. Впрочем, я уже всё записал, — Шангуань Цзюэ повертел в руках Нефритовый бамбук.

— Верни, — помрачнев, потребовал Шангуань Цинъюнь.

— Цинъюнь, лучше тебе сегодня лечь спать пораньше, — Шангуань Цзюэ одарил его мягкой, завораживающей улыбкой.

Когда Шангуань Цинъюнь пришел в себя, Шангуань Цзюэ уже и след простыл.

— Проклятье. Я же настоящий мужчина, кому нужна эта миловидность!

Шангуань Цинъюнь, всё ещё с хмурым видом, забрался под одеяло и лег спать.

Тем временем на пике Ванчэнь Шангуань Цзюэ небрежно отбросил Нефритовый бамбук в сторону. На самом деле, те слова были лишь шуткой, чтобы подшутить над Шангуань Цинъюнем — никаких записей внутри, конечно же, не было.

Впрочем, Шангуань Цзюэ приподнял бровь. В будущем этот Мир Истинного Самосовершенствования должен стать куда интереснее. Сам он никуда не спешил и о Вознесении пока не помышлял.

<http://bllate.org/book/21145/2144195>